

Русская литература

№ 1

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛ

1990

Издается с января 1958 года

Выходит 4 раза в год

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Д. С. Лихачев. Закономерности и антизакономерности в литературе	3
Е. Н. Купреянова. Гоголь-комедиограф (публикация В. Е. Ветловской)	6
В. И. Мельник. И. А. Гончаров в полемике с этикой позитивизма (к постановке вопроса)	34
Анна Тамарченко (США). Драматургическое новаторство Михаила Булгакова	46

ИЗ НАСЛЕДИЯ РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

Игорь-Северянин. Ручьи в лилиях. Поэзы 1896—1909 годов (публикация В. А. Кошелева)	68
К. Ю. Лаппо-Данилевский. Глеб Струве — историк литературы	99
Г. П. Струве. Журналы русского зарубежья	108

ФОЛЬКЛОРИ СОВРЕМЕННОСТЬ

Т. А. Новичкова. Два мира — земной и космический — в современных народных легендах	132

ПУБЛИКАЦИИ И СООБЩЕНИЯ

Е. Г. Водолазкин. Всемирная история в духовном мире древнерусского книжника (к вопросу литературного освоения Хроники Амартола)	144
Г. И. Ганзбург. К истории издания сочинений Елизаветы Кульман	148
Р. Г. Назарьян, М. Г. Салупере. Эстонские страницы биографии В. К. Кюхельбекера	156
К. А. Кумпан. История издания поэтического сборника Вяземского «В дороге и дома»	164

Г. М. Фридендер. Достоевский в оценке Хосе Ортеги-и-Гасета	172
И. А. Битюгова, И. Д. Якубович. Неизвестное письмо Достоевского к Н. А. Любимову, посвященное «Братьям Карамазовым»	177
С. А. Рейсер. Н. С. Лесков и народная книга	181
О. В. Евдокимова. Н. С. Лесков и Ф. И. Буслаев	194
О. А. Кузнецова. Дискуссия о состоянии русского символизма в «Обществе ревнителей художественного слова» (обсуждение доклада Вяч. Иванова)	200
Ю. Л. Кроль. Об одном необычном трамвайном маршруте («Заблудившийся трамвай» Н. С. Гумилева)	208
Э. Ф. Голлербах. Из воспоминаний о Федоре Сологубе (публикация М. М. Павловой)	218
М. В. Безродный. Об одной подписи Алексея Ремизова	224
В. В. Перхин. Два письма Андрея Платонова	228
В. Н. Запевалов. О судьбе шолоховского архива	232

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

А. А. Грякалов, Ю. Ю. Дорохов. От структурализма к деконструкции (западные литературно-эстетические теории 70—80-х годов XX века)	236
П. Е. Бухаркин. Первый том нового словаря русских писателей	249

ХРОНИКА

С. Покровская. Всесоюзная научная конференция «Анна Ахматова. Труды и дни»	256
Е. А. Голлербах. Ахматова, Голлербах, Лукницкий (по поводу одной публикации в «Нашем наследии»)	262

Редакционная коллегия:

Н. Н. СКАТОВ (и. о. главного редактора),
В. Н. БАСКАКОВ, *Г. Я. ГАЛАГАН* (зам. главного редактора), *А. А. ГОРЕЛОВ*,
Г. А. ГОРЫШИН, *В. Я. ГРЕЧНЕВ*, *Н. А. ГРОЗНОВА*, *Л. А. ДМИТРИЕВ*, *Б. Ф. ЕГОРОВ*,
А. И. ПАВЛОВСКИЙ, *А. М. ПАНЧЕНКО*, *В. А. ТУНИМАНОВ*, *С. А. ФОМИЧЕВ*,
Г. М. ФРИДЛЕНДЕР

Отв. секретарь редакции *М. Д. Кондратьев*

Адрес редакции: 199034, Ленинград, наб. Макарова, д. 4. Тел. 218-16-01

О. А. Кузнецова

ДИСКУССИЯ О СОСТОЯНИИ РУССКОГО СИМВОЛИЗМА В «ОБЩЕСТВЕ РЕВНИТЕЛЕЙ ХУДОЖЕСТВЕННОГО СЛОВА»

(ОБСУЖДЕНИЕ ДОКЛАДА ВЯЧ. ИВАНОВА)

Весной 1910 года Вяч. Иванов выступил с двумя докладами (17 марта в «Обществе свободной эстетики» в Москве¹ и 26 марта в «Обществе ревнителей художественного слова» при редакции петербургского журнала «Аполлон»), в которых определялось состояние символизма к настоящему моменту и намечались пути и цели его последующего развития. Следствием этих выступлений и полемики вокруг них явилось, как известно, размежевание «старших» и «младших» символистов,² они же послужили толчком для обоснования новой поэтической школой (чуть позже получившей название акмеистической) своей теоретической платформы. Poleмика в прессе по поводу опубликованной по материалам докладов статьи «Заветы символизма»³ уже неоднократно освещалась в исследовательской литературе,⁴ менее

изучена дискуссия в «Обществе ревнителей», тот «бурный», по словам В. Пяста, «обмен мнений», в котором, пожалуй, впервые обнаружилась разность позиций символистов и тех, кто позднее примкнет к акмеизму.

Выступить с программной статьей, отстаивающей «заветы символизма», Вяч. Иванова, помимо прочего, побудила обстановка, сложившаяся в начале 1910 года в редакции «Аполлона» и «Обществе ревнителей». Авторитет его как метра и теоретика символизма был непрекаем, однако близкие к редакции молодые писатели и поэты шли своим путем и в их среде появлялись новые вожди, еще не всеми признанные в этом качестве, но уже имевшие свою аудиторию. Это хорошо чувствовал, например, К. А. Сюннерберг,⁵ кумиром которого продолжал оставаться Вяч. Иванов и который упорно не хотел признавать право Гумилева на лидерство. Ряд своих стычек с ним по самым, казалось бы, незначительным поводам, которые для него, однако, важны, Сюннерберг подробнейшим образом описывает в своих мемуарах.

Позиция, которую занимал при этом редактор «Аполлона» С. К. Маковский, раскрывается в его письме к секретарю редакции Е. А. Зноско-Боровскому от 3 февраля 1910 года. «Меня очень позабавил, — писал он, — инцидент с Вяч. Ивановым, в особенности когда выяснилось, что, в конце концов, нападки на „Аполлон“ с его стороны просто досада на то, что как-то слишком без него обходятся. Ведь, поло-

¹ В. Брюсов, настойчиво призывавший Вяч. Иванова проповедовать свои идеи («Ты должен писать, ты должен говорить, ты должен учить» — письмо от 18 января 1910 года // Лит. наследство. 1976. Т. 85. С. 525), выразил резкое несогласие с «основной мыслью» выступления: «...искусство должно служить религии». В дневнике он описывает размолвку с Вяч. Ивановым и раскол в среде московских символистов: «За Вяч. Иванова стояли Белый и Эллис» (Брюсов В. Дневники: 1891—1910. М., 1927. С. 142).

² Биограф Вяч. Иванова О. Дешарт (О. А. Шор) заметила, что «по своему физическому возрасту Вяч. Иванов должен был бы примкнуть к триумvirату Бальмонта, Брюсова, Балтрушайтиса, но по своему духовному возрасту он принадлежал более молодой формации поэтов» (Дешарт О. Введение // Иванов Вяч. Собр. соч. Брюссель, 1971. Т. 1. С. 75—76).

³ Брюсов В. О «речи рабской», в защиту поэзии / Аполлон. 1910. № 9. Отд. I. С. 31—34; Мережковский Д. Балаган и трагедия // Русское слово. 1910. 14 (27) сент.; Белый А. Венок или венец // Аполлон. 1910. № 11. Отд. II. С. 1—4; Адрианов С. Критические наброски // Вестник Европы. 1910. Октябрь. С. 386—398; Мокиевский П. Теория познания философов и дьявольский сплав символистов // Русское богатство. 1910. № 11. Отд. II. С. 112—120; и др.

⁴ Максимов Д. Брюсов: Поэзия и позиция // Максимов Д. Русские поэты начала века. Л., 1986. С. 157—158; Тагер Е. Б. Модернистские течения и поэзия межреволюционного десятилетия // Русская литература конца XIX—начала XX века: 1908—1917. М., 1972. С. 288—291; Корецкая И. В. «Аполлон» // Русская литера-

тура и журналистика начала XX века: 1905—1917: Буржуазно-либеральные и модернистские издания. М., 1984. С. 227—230; Лит. наследство. 1982. Т. 92. Кн. 3. С. 368—371.

⁵ Сюннерберг Константин Александрович (псевдоним: Конст. Эрберг) (1871—1942) — теоретик искусства, критик, поэт. В 1905—1906 годах сблизился с Вяч. Ивановым, к редакции «Аполлона», по его собственному признанию, никогда особенно близок не был. Свое отношение к символизму и акмеизму он выразил в сочиненной им притче, которая приводится в его мемуарах (1940), составленных как примечания к переписке: «Говорят, что один акмеист вошел раз в символистскую гостиную и шлепнулся на гладком вылощенном паркете, художественно уложенном ценными породами дерева и перламутром. С досады стал акмеист бить паркет. А дело-то не в паркете; дело в неумении по нему ходить» (Примечания мемуарного характера к собранию писем из архива Конст. Эрберга [К. А. Сюннерберга] // ИРЛИ. Ф. 474. Ед. хр. 53. Л. 69).

жа руку на сердце, разве журнал хуже оттого, что нет в нем „идеологии“? Кому нужны эти русские вещанья, эти доморощенные рацеи интеллигентского направления? Разве искусство, хорошее подлинное искусство, само по себе — не достаточно *объединяющая* идея для журнала? Символизм, неореализм, кларизм и т. д. — все эти французско-нижегородские жупелы, право же, приелись и публике, и нам, писателям. Вкус, выбор, общий тон — вот что создает „физиономию“, о которой так беспокоится Вяч. Иванов. И эта „физиономия“ у „Аполлона“ есть. . . Но против более пространных выступлений нашего обиженного метра я, в конце концов, ничего не имею (хотя совершенно не согласен, что его уход мог бы «убить» журнал). Пусть напишет принципиальную статью, хотя бы в целый лист — в защиту символизма что ли? Я никогда не назвал бы „молодую редакцию“ безыдейной, но наша молодежь прежде всего *деловая*, а не праздноболтающая о литературе, и мне чрезвычайно нравится это деловое настроение без философических эквилибристик. . . Я прекрасно знаю, куда веду журнал, Евгений Александрович; моя „идея“ для меня совершенно ясна! Но Вы, конечно, правы, заботясь о дальнейшем участии Вяч. Иванова. . . У меня даже мелькнула мысль — попросить его взять на себя редактирование одного из летних номеров, например майского.⁶ Что Вы об этом думаете?»⁷ О сложившейся в «Аполлоне» ситуации был хорошо осведомлен и Брюсов. Из его письма к П. Перцову от 23 марта 1910 года, где он описывает раскол в среде «ех-декадентов», выясняется: за несколько дней до выступления Иванова в Петербурге Брюсов не сомневался, что пафос доклада будет чужд прежде всего «кларистам» («Аполлон, Кузмин, Маковский и др.»).⁸

Посылая Блоку накануне своего доклада письмо, Вяч. Иванов сообщал: «. . . я буду говорить о современном состоянии символизма и есть ли еще символизм (то, что вызвало «сенсацию». . . в Москве и идейный раскол с Брюсовым)». ⁹ Так же описательно Вяч. Иванов огласил тему своего выступления и перед аудиторией, собравшейся 26 марта в «Обществе ревнителей».¹⁰ Для того чтобы выявить причины

⁶ В майско-июньском (8) номере «Аполлона» были опубликованы статьи Вяч. Иванова «Заветы символизма» и А. Блока «О современном состоянии русского символизма».

⁷ ГПБ. Ф. 124. Ед. хр. 2645. Л. 3—3, об.

⁸ См.: Брюсов В. Я. Письма к П. П. Перцову: 1903—1910 / Публикация Г. Лелевича // Печать и революция. 1926. № 7. С. 46.

⁹ Из переписки А. Блока с Вяч. Ивановым / Публикация Н. В. Котрелева // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1982. Т. 41. № 2. С. 170.

¹⁰ Ср. название, которое приводит В. Пяст: «Вячеслав Иванов произнес как-то в „поэтической академии“ речь о судьбах символизма вообще и современной русской поэтической школы, которую он назвал символической, — в част-

кризисного состояния символизма («и есть ли еще символизм»), докладчику потребовался экскурс в историю «разбираемой школы». Эволюцию символизма он представил как поступательное движение и выделил в нем ряд последовательно сменившихся друг друга «моментов» («теза» и «антитеза»). Современное кризисное состояние он объяснил особенностями переходного периода: «антитеза» подходит к концу, а постулируемый грядущий «синтез», призванный стать апогеем символизма, потребует от художника большого напряжения творческих сил («подвига»). Именно с этим «желательным» символизмом и связана жизнетворческая программа Вяч. Иванова.¹¹ В самых общих чертах обрисовывая художественные принципы обновленного символизма, докладчик предложил категорию канона как критерия художественной ценности и оговорил необходимость для завершающего этапа появления художественных полотен наподобие гетевского «Фауста» («большой стиль»)¹² Позже идея канона показалась Вяч. Иванову недостаточно проясненной в его изложении, хотя она и получила уже своих приверженцев.¹³ Готовя к печати статью «Заветы символизма» (доклад лег в основу ее двух заключительных глав), он дал развернутое аргументированное обоснование канона.¹⁴

ности» (*Пяст Вл.* Нечто о каноне // Труды и дни. 1912. № 1. С. 28). Позднее он вспоминал об этом заседании как об «историческом» (см.: *Пяст В.* Встречи. М., 1929. С. 188, мемуарист неточно приводит названия докладов). См. также: *Маковский С.* На Парнасе «Серебряного века». Мюнхен, 1962. С. 155; Лит. наследство. Т. 92. Кн. 3. С. 365—366. Это же заседание с перечислением присутствовавших описывается Р. Д. Тименчиком в кн.: *Осват А. Л., Тименчик Р. Д.* «Печальную повесть сохранить. . .». М., 1987. С. 172—215.

¹¹ История современного искусства не впервые была представлена здесь в виде триады (теза—антитеза—синтез). В обзоре «художественной жизни» Петербурга 1906 года К. Сюннерберг, описывая ивановские «среды», изложил, по всей видимости, и взгляд хозяина «сред» на «новейший символизм»: «Если натурализм — тезис, то декадентство — антитезис. Началом синтеза является новое искусство в его теперешнем состоянии» (Золотое руно. 1906. № 4. С. 80).

¹² Доклад законспектирован Блоком (см.: *Блок А.* Записные книжки. М., 1965. С. 167—170) и пересказан в статье В. Пяста «Нечто о каноне».

¹³ 29 октября 1910 года Пяст выступил в «Обществе ревнителей» с сообщением «О каноне», явившимся откликом на доклад Вяч. Иванова и полемику в печати (Русская художественная летопись. 1911. Апрель. № 20. С. 320). По материалам этого сообщения была написана статья «Нечто о каноне».

¹⁴ В рукописи статьи Вяч. Иванова, посланной в «Аполлон», текст от слов «Под внутренним

Обсуждение, намеченное на 2 апреля, было перенесено на 1-е, о чем докладчик поставил в известность Блока.¹⁵ Но Блок от участия в нем уклонился, сославшись на то, что ему «мистически необходимо слышать „Зигфрида“».¹⁶

Состоявшееся обсуждение можно реконструировать по записям, сделанным докладчиком. Они представляют собой три листа большого формата, на которых слева конспектировались выступления, а справа были набросаны ответы оппонентам.¹⁷ Необходимо помнить, что записи эти — не протокол и особое внимание докладчик уделял именно возражениям.

Первым взял слово С. Л. Рафалович¹⁸ (это выступление, тщательно подготовленное, зафиксировано Ивановым наиболее подробно). В док-

каномом мы разумею» до «и в нем оправдание всех форм» отсутствовал (ИРЛИ. Ф. 607. Ед. хр. 136. Л. 30—31); он был вставлен, по всей видимости, в корректуру (вставки сохранились в черновиках: Ф. 607. Ед. хр. 203. Л. 32—33).

¹⁵ Из переписки А. Блока с Вяч. Ивановым. С. 170.

¹⁶ Блок А. А. Письма к Вяч. Иванову: (1907—1916) / Публикация Е. Л. Белькинд // Блоковский сб. II. Тарту, 1972. С. 376. 1 апреля в Мариинском театре давали вагнеровского «Зигфрида».

¹⁷ Обсуждение доклада Вяч. Иванова в «Обществе ревнителей художественного слова» 1 апреля 1910 г. // ИРЛИ. Ф. 607. Ед. хр. 141.

¹⁸ Рафалович Сергей Львович (1875—1943) — поэт, прозаик, драматург. В 1904—1906 годах входил в литературно-художественное объединение «Содружество» (см.: Лит. наследство. Т. 92. Кн. 4. С. 394); «известную роль» в его литературной судьбе «сыграло знакомство, а затем и близость с теми, кого у нас принято называть устарелыми кличками „символистов“ и „декадентов“» (ИРЛИ. Ф. 377. Письмо С. Л. Рафаловича к С. А. Венгеру от 16 октября 1906 года. Л. 1). С 1909 года сблизился с редакцией «Аполлона». В 1910-е годы он уже подолгу живет в Париже и постепенно отдаляется от литературной жизни столицы. В 1912 году он сообщает о своем нежелании примыкать к каким бы то ни было объединениям: «...ни жизненно, ни литературно ни под чьим влиянием не был, никогда ни к каким партиям или кружкам тесно не примыкал... и слишком ясно вижу достоинства и недостатки всяких общественных группировок и организаций, чтобы... примкнуть всецело к чему-нибудь одному» (письмо к С. А. Венгеру от декабря 1912 года // Там же. Л. 5). Редактор «Аполлона» С. К. Маковский так охарактеризовал Рафаловича в письме к секретарю редакции: «За Рафаловичем присматривай! Кстати, закажи ему какую-нибудь статью на литературную тему. Он парень очень неглупый и образованный. Я думаю, что из него мог бы выработаться серьезный критик (поэт-то ведь он — ох! плохонький). Поручаю тебе при случае внушить ему какую-нибудь нужную нам статью» (ГПБ. Ф. 124. Ед. хр. 2645. Л. 22—22, об.).

ладе его насторожила попытка вождя символизма придать этому движению главенствующую роль в современном литературном процессе: «Опасность деспотизма. „Как будто в симв(олизме) одно спасение“». Часть фразы, взятая докладчиком в кавычки, может быть понята двояко: как преувеличение роли символизма и как указание на его негативные стороны (не только одно спасение). Вяч. Иванов расценил это как «предостережение!». Предполагавшийся ответ оппоненту он пометил фразой: «Символизм — воспоминание».¹⁹ Задачи преобразования искусства, поставленные докладчиком, вызвали у выступающего ряд вопросов-недоумений: «Откуда мы все это возьмем? Должен ли худ(ожник) создать сам, зависит ли это от него? Входит ли в задачи искусства?».²⁰ Сам Рафалович отводит искусству пассивную роль, считая, что оно «не создает, а запечатлевает культуру, создается ею и закрепляет ее в окончательных формах». «Никогда, — считает Рафалович, — художник не создал новой религии». Предназначение гения — осмыслить завершившуюся культурную эпоху: «Данте и Гете — завершитель(и)... За собой имели Данте и Гет(е), тот схоластику, этот возрождение инд(ивидуализма)».²¹ Тем самым Рафалович поставил под сомнение не саму программу преобразования символизма, а лишь ее своевременность: «Завершилась ли в наст(оящее) вре(мя) такая эпоха? Не все ли im Werden».²² Не отвергая предложенной докладчиком схемы эво-

¹⁹ Ср. в конспекте Блока: «Символизм — есть воспоминание поэзии о ее первоначальных целях и задачах (...) а именно — *практических*» (Блок А. Записные книжки. С. 169), а также в статье «Заветы символизма»: «Символизм кажется воспоминанием поэзии о ее первоначальных, исконных задачах и средствах» (Аполлон. 1910. № 8. С. 11); О. Дешарт заметила, что все статьи Вяч. Иванова о символизме «построены на противоположении искусства „беспамятного“ духовному акту „воспоминания“» (см.: Иванов Вяч. Собр. соч. 1979. Т. 3. С. 689).

²⁰ Далее следовала фраза: «Аллегория полей и лесов — многообразие культурных факторов».

²¹ Позже В. М. Жирмунский указал, что именно так символисты переосмыслили своих «вечных спутников»: «Рядом с католической религиозностью Данте... Гете воспринимается преимущественно теми сторонами своего творчества, которые сближают его с романтизмом» (Жирмунский В. М. Гете в русской литературе. Л., 1981. С. 448—449). В этом утверждении Рафаловича сказались неверие в возможность появления нового «Фауста» или новой «Божественной комедии», т. е. «большого стиля», к которому призывал Вяч. Иванов.

²² в становлении (нем.); ср. замечание в письме Н. В. Недоброво к Блоку от 22 ноября 1911 года: «Поистине, наши годы — не время завершения» (Лит. наследство. Т. 92. Кн. 2. С. 295).

люции символизма, он модифицировал ее, выделив два этапа. Первый, уже отходящий в прошлое, Рафалович определяет понятием «дионисийство», второй — «символизм понемногу начинает учиться произносить Да. — Это антитеза, Аполлон против Диониса».

Следующим выступил Гумилев. По возвращении в феврале 1910 года из первого абиссинского путешествия он, как вспоминал А. Н. Толстой, «поднял знамя восстания против Академии стиха, В. Иванова и символистов».²³ Активно высказывать свои возражения докладчику он начал уже на предыдущем заседании.²⁴ Теперь же, выступая против «ивановского» символизма, он поддержал своего учителя в практике стихосложения В. Брюсова. Из записей докладчика не до конца ясно, насколько мотивированным было это выступление Гумилева;²⁵ возможно, что, опуская рассуждения, Вяч. Иванов фиксировал лишь выводы своего главного оппонента. Предложенная докладчиком схема эволюции символизма, предполагавшая в будущем расцвет этой школы, не могла удовлетворить Гумилева, который видел уже новые силы, способные, как он считал, сменить символизм. В теоретических построе-

²³ Толстой А. Н. Нисхождение и преображение. Берлин, 1922. С. 15.

²⁴ «И Гумилев делает замечание» (Блок А. Записные книжки. С. 170).

²⁵ Публикуемый материал позволяет несколько скорректировать «ахматовскую» версию расхождения Гумилева и Вяч. Иванова, согласно которой «первоотличком» послужила резкая критика последним «поэмы» Гумилева «Блудный сын» на заседании «Общества ревнителей» 13 апреля 1911 года, что «побудило Гумилева основать собственное литературное объединение „Цех поэтов“» (приводится в публикации Р. Д. Тименчика «Неизвестные письма Н. С. Гумилева» // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1987. Т. 46. № 1. С. 66). Расхождение по теоретическим вопросам началось в марте—апреле 1910 года. Следующий этап — заседание «Общества ревнителей» 18 января 1912 года, когда Гумилев заявил «о своем отрицательном отношении к символизму», а Вяч. Иванов признался, что «введение» им «отталкивательной силы» в некоторые положения доклада (имеется в виду полемика с Гумилевым) «было произведено преднамеренно» (Недоброво Н. В. Общество ревнителей художественного слова в Петербурге // Труды и дни. 1912. № 2. С. 27). Затем последовало обоснование Гумилевым принципов новой школы — статья «Наследие символизма и акмеизм» (Аполлон. 1913. № 1. С. 42—45). В. Брюсов обратил внимание на различие заглавия статьи в тексте и в оглавлении, где она значилась как «Заветы символизма и акмеизм» (Брюсов В. Новые течения в русской поэзии // Русская мысль. 1913. Апрель. Отд. II. С. 135). Первоначальное заглавие, видимо, бывшее в рукописи и не исправленное в корректуре оглавления, прямо указывало на статью Вяч. Иванова.

ниях Вяч. Иванова он попытался найти места, уязвимые прежде всего с точки зрения логики. Исходную посылку — определение тезы — он счел недостаточно конкретной: «Мир волшебен — говорит и Парн<ас>».²⁶ Ты свободен — также».²⁷ Другое определение первого периода символизма: «...стройные соответствия (correspondances) были открыты» в мире²⁸ — оппонент Вяч. Иванова отверг не менее категорично, утверждая, что «„correspondances“ всегда лишь технич<еский> прием».²⁹ Заметив, как он счел, неточности в исходных положениях доклада, выступающий усомнился в верности концепции Вяч. Иванова в целом: «Антитеза не соответствует по своему значению тезе. Из такой тезы и антитезы не может и быть синтеза».³⁰

²⁶ На заседании 26 марта Блок зафиксировал ответ Вяч. Иванова на вопрос, заданный, по всей видимости, Гумилевым: «Символизм хочет говорить правду, парнасизм под знаком la rêve» (la rêve — мечта (фр.); Блок А. Записные книжки, с. 170, о парнасизме см.: Иванов Вяч. По звездам: Статьи и афоризмы. СПб., 1909. С. 272—274). При выработке программы акмеистической школы Гумилев апеллирует к «Парнасу», превыше всего ставившему мастерство формы, один из его эстетических ориентиров — близкий к «Парнасу» Теофиль Готье.

²⁷ Ср. в статье «Заветы символизма»: «Пафос первого момента составляло внезапно раскрывшееся художнику познание... что мир волшебен и человек свободен» (Аполлон. 1910. № 8. С. 15).

²⁸ Ср. также определение Ивановым «отличительных признаков чисто символического художества» (Там же. С. 14).

²⁹ «Correspondances» («Соответствия», фр.) — заглавие программного стихотворения Ш. Бодлера (1857). На этом утверждении основывалась в дальнейшем акмеистическая критика символизма; ср. ироничное замечание Гумилева о том, что «и Вячеслав Иванов говорит иногда о вещах и явлениях, не настаивая на заключенных в них и вскрытых рентгеновыми лучами его прозрения идеях» (Аполлон. 1911. № 7. Отд. I. С. 75; о продолжении этой полемики Иванова и Гумилева см.: Блок А. Собр. соч.: В 8 т. М.; Л., 1963. Т. 8. С. 386, 610).

³⁰ В письме к С. К. Маковскому в конце 1912 года, принимая заведование литературным отделом «Аполлона», Гумилев, не называя имени, еще раз высказался против авторитета Вяч. Иванова и его влияния на журнал: «Я... постараюсь осуществить не столько те принципы, которые выдвинула практика этих лет, сколько идеалы, намеченные во вступительной статье к первому номеру „Аполлона“» (ГРМ. Ф. 97. Ед. хр. 72. Л. 2). Признавая «истинность» поэтического дарования Вяч. Иванова, Гумилев все же считал, что «идти за ним другим... значило бы пускаться в рискованную, пожалуй даже гибельную авантюру» (Аполлон. 1912. № 6. С. 53), потому что «пути эти перестали быть показательными для русской поэзии, они

Третьим взял слово Н. В. Недоброво.³¹ Он, так же как и выступавший перед ним Гумилев, не увидел последовательности и закономерности в двух выделенных Ивановым «моментах» развития русского символизма. По его мнению, второй «момент» — «не антитеза, а *apokalyoo*».³² Недоброво пошел дальше, чем Гумилев, вынеся приговор: «Символ (истская) школа уже победила, — но и кончилась». Вяч. Иванов никак не мог согласиться с подобным рассуждением, весь пафос его выступления состоял как раз в том, что кончился не символизм, а определенный этап в становлении символизма. Поэтому замечание Недоброво он сопровождал пометой: «Я хочу сказать, *le symbolisme oblige*».³³ Подводя итог окончившему свой путь литературному направлению, Недоброво отметил «тройное значение символизма»: «Двойное натяжение в богеме (?). Ковчежец солнц — иллюз (ия)». Это утверждение можно интерпретировать следующим образом: говоря о «тройном значении», Недоброво следует за предложенной Ивановым схемой трех этапов в развитии русского символизма, два первых «момента» он связывает с элитарным «богемным» искусством, третий же — период «синтетического символизма», того «желательного» искусства, с которым, по словам Блока, «совладеет народ»,³⁴ — считает попросту нереальным. Обращаясь к образу «ковчежца солнц», Недоброво напомнил присутствующим,

нужны и радостны только для самого поэта» (Аполлон. 1913. № 3. С. 74—75).

³¹ Недоброво Николай Владимирович (1882—1919) — поэт, критик, «изыскатель в области теории стиха» (К. А. Сюннерберг), один из активных членов «Общества ревнителеев», «вошел в президиум этого общества и великолепно заменял Вяч. Иванова в дни его отсутствия или докладов» (Пяст В. Встречи. С. 188). «„Общество ревнителеев художественного слова“, — сообщал Н. В. Недоброво Б. В. Анрепу 9 ноября 1911 года, — действует и принесло мне ту пользу, что через него я сблизился с Вячеславом Ивановым. Мысли его об искусстве гораздо выше собственного его искусства, и беседы с ним поучительны и воодушевляют. Мне случилось как-то прочитать ему два своих стихотворения. . . Кроме того, что он очень все это хвалил, он делал отдельные замечания, — и обставлял их общими соображениями, — очень тонкие» (Slavica Hierosolymitana (Jerusalem). 1981. V. V—VI. P. 437).

³² *ανακολουθ* — непоследовательность, противоречивость, несогласованность (греч.).

³³ *le symbolisme oblige* — символизм обязывает (фр.); ср. финал статьи «Заветы символизма»: «Символизм обязывает. Старые клише школы стерлись. Новое не может быть куплено никакою другою ценой, кроме внутреннего подвига личности» (Аполлон. 1910. № 8. С. 20). Эта фраза рефреном звучит в заключительной части статьи.

³⁴ См. вопросы, которые задал Блок Иванову после доклада (Блок А. Записные книжки. С. 170).

что идея «триады» уже встречалась в лирике Вяч. Иванова. Он имел в виду «поэму в сонетах» «Спор», написанную в июне 1908 года, седьмая глава которой начиналась так:

Как мертвый уголь, перекален раскалом,
Ожив, родит ковчежец солнц — алмаз.³⁵

Схема превращения угля в алмаз повторяла все ту же триаду: «мертвый уголь» — теза, раскаленный уголь — антитеза, «ковчежец солнц — алмаз» — синтез. Эта идея синтеза применительно к символизму в его исторической реальности и показалась Недоброво достаточно иллюзорной. Закончил свое выступление он рассуждениями о мифе. «Миф будет —», — записал Иванов, но фраза осталась оборванной, по-видимому, теоретика символизма смутило то, как понимает миф Недоброво. «*Μυθος*³⁶ — его значение?», — записал он дальше.

Выступивший затем А. А. Кондратьев³⁷ также поддержал замечание Гумилева относительно исходного момента — «тезы». Определение «мир волшебен» «слишком широко», считает он. Кондратьев предложил свою концепцию истории символизма: «Инд (ивидуализм) „Сев (ерных) Цв (етов)“ и „Недели“.³⁸ Капелла. Метры ее хотят последователей. Ликофрон».³⁹ Период антитезы он рассматривает как упадок искусства: «Антитеза — от склонности к рукоплесканиям». «Мифы, — считает Кондратьев, — от погружения в астраль (ность) и из книг».⁴⁰

К. А. Сюннерберг начал с разговора о первом стихотворном сборнике Вяч. Иванова — «Кормчие звезды». Так как этот отзыв, по всей видимости, был хорошо известен автору,⁴¹ он опустил

³⁵ Иванов Вяч. *Cor ardens*. М., 1912. Ч. II. С. 24.

³⁶ *μυθος* — миф (греч.).

³⁷ Кондратьев Александр Алексеевич (1876—1967) — поэт, прозаик, литературовед.

³⁸ «Неделя» — еженедельная петербургская газета, издававшаяся П. А. Гайдебуровым (1868—1901). Как вспоминал П. П. Перцов, «проповедь „личного самоусовершенствования“ . . . нашедшая себе в те годы приют в „Неделе“ . . . находила немного сторонников» (Перцов П. Литературные воспоминания: 1890—1902 гг. М.; Л., 1933. С. 28).

³⁹ Ликофрон (род. около 320 г. до н. э.) — древнегреческий поэт. Брюсов считал Ликофрона Темного одним из предшественников символизма. См. также: Анненский И. Ф. Из наблюдений над языком Ликофрона // *Commentationes philologicae*. Сб. статей в честь И. В. Помяловского. СПб., 1897. С. 55—80.

⁴⁰ О «реставрации мифа» в творчестве А. А. Кондратьева см.: Письма А. А. Кондратьева к Блоку. Предисловие Р. Д. Тименчика // Лит. наследство. Т. 92. Кн. 1. С. 552.

⁴¹ «Читая „Кормчие звезды“ с определенной целью дать о них в печати критический отзыв, — вспоминал Сюннерберг, — я наставил на полях много знаков и вопросительных, и восклицательных, а также ряд отметок своего

его, пометив пропуск отточием. Далее Вяч. Иванов записал: «Что такое моя эволюция». Сюннерберга заинтересовало, как соотносится творческий путь Вяч. Иванова с эволюцией символизма и почему обрисованные им цели и задачи распространяются на все символистское искусство. Недоумение его понятно, ведь ни один из выступающих до него не поддержал безоговорочно вождя символизма. Не смущаясь этим фактом, Вяч. Иванов намечает на полях ответ. «Почему я о симв(олистской) школе? П(отому) ч(то) нужно быть вместе». В предложенной Ивановым схеме развития символизма Сюннерберг увидел «трансформизм вместо триады» (последнее слово докладчик подчеркнул). В конце своей речи выступающий затронул две «отвлеченные» проблемы, обсуждавшиеся «на башне» и красной нитью проходящие через все размышления Сюннерберга об искусстве: мистика и религия, красота и свобода.⁴² С утверждением: «Мистика, а не рели(гия) (<—> вот сфера искусства» — Вяч. Иванов согласился. «Конечно, мистика через (?) симв(олистские) школы. Это — мисти(ческая) поэзия». Другое же рассуждение: «Красота для свободы» — сопровождал пометой: «Что такое свобода — не знаю».⁴³

В. В. Гиппиус,⁴⁴ незадолго до этого ставший членом «Общества ревнителей»,⁴⁵ принял основные идеи Вяч. Иванова, позволив себе лишь небольшие уточнения и развитие отдельных положений. Период «тезы» он определяет понятием «эстетизм». К наиболее ярким представителям этого периода, помимо упомянутого докладчиком Бальмонта, он причисляет также

недоумения, иногда возмущения и часто восхищения. Рецензии написать мне не пришлось. . . Лет через пять. . . я сказал Вяч. Ивановичу о своих впечатлениях от этой его книги и о моих заметках, которые его почему-то заинтересовали» (*Эрберг Конст. (Сюннерберг К. А.) Воспоминания / Публикация С. С. Гречишкина и А. В. Лаврова // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1977 год. Л., 1979. С. 130*).

⁴² Там же. С. 113, 132.

⁴³ Обоснование положения «Красота для метафизической Свободы» см. в статье К. Сюннерберга «Красота и свобода» (*Вопросы жизни. 1905. № 9. С. 227*). Сюннерберг вспоминал, что на сборнике «Сог арденс» Вяч. Иванов сделал ему надпись: «Не примирен и не раскован? О, Сюннерберг! Как ты, свободу люблю» (*Эрберг Конст. (Сюннерберг К. А.) Воспоминания. С. 130*).

⁴⁴ Гиппиус Василий Васильевич (1890—1942) — известный впоследствии литературовед, в это время студент историко-филологического факультета Петербургского университета, изучавший немецкий и русский романтизм.

⁴⁵ 10 марта 1910 года Блок писал М. А. Кузмину: «Обращаюсь к Вам с двумя рекомендациями в „Академию“. Первый — Василий Васильевич Гиппиус. . . Его рекомендуют еще Пяст и Попов» (*Блоковский сб. II. С. 362*).

А. Добролюбова, Сологуба, Гиппиус (рядом указано ее программное стихотворение «Небеса низки»)⁴⁶ На полях Вяч. Иванов добавляет еще фамилию Коневского.⁴⁷ «У Блока, — считает выступающий, — сразу антитеза». Выдвинутая докладчиком категория канона вызывает у Гиппиуса наибольшие сомнения: «Канон — как он может быть фактором синтеза?»⁴⁸

Выступивший вслед за ним Сергей Городецкий⁴⁹ обрушился на доклад с резкой критикой. «Ересь», т. е. отход от ранее провозглашенного Ивановым и единственно приемлемого для его ученика «реалистического символизма», он увидел в том, что символизм «перегружается религией».⁵⁰ Идея канона, которая, как считал Городецкий, ведет к формализации искусства, также им отвергается. «Не канон, — предлагает Городецкий, — а позыв (?). Форма не имеет никакого значения».⁵¹ Вяч. Иванов, указавший в докладе на опасность «аморфности» («продолжение антитезы — отчасти Городецкий»),⁵² затронул писательские амбиции последнего. И в своем ответе Городецкий также переходит на личности: «кризис», по его мнению, «в том, что глава симв(олизма) В(ячеслав) И(ванов)

⁴⁶ Имеется в виду стихотворение «Посвящение» («Небеса унылы и низки. . .», 1894), опубликовано: *Гиппиус З. Н. Собр. стихов: 1889—1903 г. М., 1904. С. 3—4*.

⁴⁷ Отзыв Вяч. Иванова о И. Коневском см. в его письме к Брюсову от 3 марта 1904 года (*Лит. наследство. 1976. Т. 85. С. 447*); в статью «Заветы символизма» из рекомендованного выступающим списка имен добавлены Гиппиус и Сологуб.

⁴⁸ На заседании «Общества ревнителей» 29 октября 1910 года в прениях по докладу Вл. Пяста «О каноне» В. В. Гиппиус «высказался о логически необходимом совпадении теургии творчества с теургией жизни, вдохновения и личного подвига, расходясь с Владимиром Пястом, имеющим в виду лишь подвиг эстетический» (*Русская художественная летопись. 1911. Апрель. № 20. С. 321*).

⁴⁹ Городецкий Сергей Митрофанович (1884—1967) — ученик Вяч. Иванова, в докладе увидел «святую ложь», с этого момента начинается его «бунт» против учителя и выступления вместе с Гумилевым против символизма (см.: *Недоброво Н. В. Общество ревнителей художественного слова в Петербурге. С. 27*). В недатированном письме к Вяч. Иванову он высказал намерение покинуть руководимое Вяч. Ивановым «Общество ревнителей» из-за несогласия с его курсом (*ИРЛИ. Ф. 123. Оп. 1. Ед. хр. 281*).

⁵⁰ В статье «Некоторые течения в современной русской поэзии» (*Аполлон. 1913. № 1. С. 46*) Городецкий причисляет к «еретикам» символизма Вяч. Иванова за то, что он «ввел в символизм мистику, религию, теософию и спиритизм».

⁵¹ В указанном письме к Вяч. Иванову Городецкий выступает против «насаждения голого формализма в русском искусстве».

⁵² *Блок А. Записные книжки. С. 169.*

переживает кризис, давит и раздавливает символизм». ⁵³ «Триада — попытка с негодными средствами. . .». Резкий тон выступления Городецкого оказался для многих неожиданностью. В записях Вяч. Иванова имеется замечание кого-то из присутствующих: «Вот друг-то Ваш? Я — *гораздо* больше с Вами. Он говорит совсем как министр Коковцев». ⁵⁴

Следующим взял слово В. М. Жирмунский. ⁵⁵ Говоря о «тезе», он возражал не докладчику, а В. В. Гиппиусу: «Теза (<:) мир волшеб(ен) (<—) Бальм(онт) и Брюсов. Но не Гиппиус, не Сологуб», ⁵⁶ этот этап характеризует «ненаивность (<?)», иллюзионизм». Далее он перечислил поэтов, творчество которых, по его мнению, основано на мифе: «. . . миф у Соловьев(а), у А. Блока, у Ал. Добролюбова». Последнюю фамилию Иванов помечает знаком «NB +» и сверху добавляет к этому списку имя Тютчева. ⁵⁷ «Личность, а не диалектич(еское) развит(ие)», считает Жирмунский, определяют лицо каждого из названных Ивановым «моментов» в развитии символизма. ⁵⁸ В заключение он дает общую ха-

⁵³ Ср. в указанном письме Городецкого к Вяч. Иванову: «Компромисс Ваш заключается в том, что Вы выдумываете новый кризис символизма, чтобы дать хоть какое-нибудь место в истории литературы кучке людей, которым просто нечего делать».

⁵⁴ Коковцов Владимир Николаевич (1853—1943) — в 1904—1905 и 1906—1914 годах министр финансов.

⁵⁵ Жирмунский Виктор Максимович (1891—1971) — известный впоследствии филолог, в это время студент историко-филологического факультета университета. Его фамилия не была знакома Вяч. Иванову; она записана явно со слуха. 21 ноября 1910 года Жирмунский послал Иванову письмо, приложив к нему свои юношеские стихотворения (ГБЛ. Ф. 107. Карт. 18. Ед. хр. 49).

⁵⁶ Это утверждение он повторил в статье «Преодолевшие символизм» (опубликована: Русская мысль. 1916. Декабрь. Отд. II. С. 25—56). Выделив среди поэтов-символистов три поколения, к первому из которых он отнес Бальмонта и Брюсова, автор заметил: «В стороне останутся некоторые крупные предшественники современного литературного движения (Федор Сологуб, Зинаида Гиппиус)» (Жирмунский В. М. Теория литературы: Поэтика; Стилистика. Л., 1977. С. 106).

⁵⁷ Расширив тему доклада при написании статьи «Заветы символизма», Вяч. Иванов начал родословную символизма с Тютчева: «Мысль изреченная есть ложь. Этим парадоксом-признанием Тютчев, ненароком обличая символическую природу своей лирики, обнажает и самый корень нового символизма» (Аполлон. 1910. № 8. С. 5).

⁵⁸ Эту мысль Жирмунский развил в статье «Преодолевшие символизм». «Три волны символизма как чувства жизни, мировоззрения и как эстетической культуры» представлены тремя

характеристику символизма. «Символизм идеалистичен. Единственно объективное, что мы можем в символизме отметить. „Мистическое чувство жизни“ — вот все, что характерно для символистов». Сбоку приписано «плюс мистическое настроение». «Явление лит(ературных) манер» свидетельствует «о мифотворчестве».

Девятым принял участие в обсуждении Ю. Н. Верховский. ⁵⁹ «Уместность дог(м) (<?)», — заметил он, — наше самоопределение — важное для целого». На полях Вяч. Иванов помечал: «Мысль Пестовского(<?) об идеологии в ист(ории) музык(и)». Выступающий, как и Рафалович, усомнился в том, что «символизмом исчерпывается(<...> искусство».

Из речи А. Я. Терка ⁶⁰ докладчик зафиксировал лишь один вывод: «Антитеза только нарождается».

Под одиннадцатым номером записаны инициалы и фамилия С. К. Маковского. По-видимому, он взял заключительное слово, не вдаваясь из «дипломатических соображений» в обсуждавшиеся проблемы. ⁶¹ Это выступление не зафиксировано.

Обсуждение в «Обществе ревнителей» продемонстрировало, что на поставленный Вяч. Ивановым вопрос: быть или не быть русскому символизму (разумеется в том новом качестве, о котором говорил докладчик), Гумилев, Городецкий и Недоброво ответили, что будущее не за символизмом. Другие члены «Общества ревнителей» если и поддержали отдельные положе-

поколениями поэтов-символистов: «первое — именами Константина Бальмонта и Валерия Брюсова, второе — именами Вячеслава Иванова, Андрея Белого и Александра Блока, третье — именем М. Кузьмина» (Жирмунский В. М. Теория литературы: Поэтика; Стилистика. С. 106).

⁵⁹ Верховский Юрий Никандрович (1878—1956) — поэт и литературовед. О. Дешарт вспоминала о нем как о «любимейшем друге» Вяч. Иванова, «пронзительно-зорком знатоке просодии, умном поэте» (см.: Иванов Вяч. Собр. соч. 1974. Т. 2. С. 824). Любопытно, что в позднейшей статье, посвященной творчеству Гумилева, Верховский причислял этого поэта к символизму, понятому не в узком смысле, как литературная школа, а как «миросозерцание», «художественное мировосприятие» и «поэтическое созидание», т. е. на основании определения, данного Вяч. Ивановым в статье «Заветы символизма» (см.: Верховский Ю. Путь поэта // Современная литература. Л., 1925. С. 142).

⁶⁰ Терк Александр Яковлевич — математик, инженер, пробовал свои силы в поэзии; позднее в его критических выступлениях симпатии на стороне Вяч. Иванова, отношение к «Цеху поэтов» достаточно негативное (см.: Терк А. Литературные журналы и альманахи в Петербурге за минувший год // Начала. 1922. № 2. С. 292—294).

⁶¹ В письме Блоку 3 апреля 1910 года Вяч. Иванов говорит о десяти выступавших; см.: Из переписки А. Блока и Вяч. Иванова. С. 171.

ния доклада, в целом не вдохновились программой «планомерного искания внутреннего синтеза своего мирозерцания». Этим вызвана оценка обсуждения в письме Вяч. Иванова к Блоку: «...было десять речей — большею частью внешних и ненужных. Само собой разумеется, что меня мало понимают».⁶² Петербургское выступление Вяч. Иванова разительно отличалось от московского, где докладчика сразу и горячо поддержали Белый и Эллис. Вот почему ему так необходима оказалась поддержка Блока: «Прошу Вас — непременно читайте в четверг в „академии“ о символизме, как потому что все этого с нетерпением ждут и хотят, так и потому, что это нужно и важно».⁶³

Результатом обсуждения явился, по всей видимости, и полемический момент, внесенный Ивановым в статью «Заветы символизма». Как уже говорилось, в докладе Вяч. Иванов охарактеризовал творчество Городецкого как «продолжение антитезы» и на его примере предостерегал от опасности «аморфности». В рукописи статьи намек на Городецкого завуалирован и прочитывается лишь при сопоставлении с соответствующим фрагментом доклада. Ср.: «Только тот, кто едва успел закружиться в Дионисовом вихре, может смешать дионисийство с аморфизмом».⁶⁴

В печатном тексте статьи Вяч. Иванов убрал также прямое указание на М. Кузмина, автора манифеста кларизма, благодаря чему это место статьи могло вызывать расширительные толкования.⁶⁵ В рукописи «Заветов символизма» мы читаем: «Легче и посильнее было выйти из заклётого круга „антитезы“ отречением от навыка заоблачных полетов и внеличных чувствований — капитуляцией перед наличной „данностью“ вещей. Этот процесс... приводит... в области собственно „поэзии“ — к „прекрасной ясности“ (курсив мой. — О. К.) шлифовального и ювелирного мастерства, с любовью возводящего „в перл создания“ все, что ни есть „красивого“ в этом, по всей вероятности, литературнейшем из [всех столь подозрительных на вид] миров, [наполняющих полночное небо]».⁶⁶

В рукописи статьи первоначально отсутствовал абзац,⁶⁷ полемически направленный, как явствует из обсуждения, против Гумилева, не хотевшего признавать принципиального разли-

чия между символистской «тезой» и парнасизмом. Постулируя заветы нового символизма, Вяч. Иванов отмежевывается и от этого течения: «„Парнасизм“ имел бы, впрочем, полное право на существование, если бы не извращал — слишком часто — природных свойств поэзии, в особенности — лирической: слишком склонен он забывать, что лирика, по природе своей, — вовсе не изобразительное искусство... но — подобно музыке — искусство двигательное, — не созерцательное, а действительное, — и в конечном счете, не иконотворчество, а жизнотворчество».⁶⁸

Состоявшаяся в «Обществе ревнителей» дискуссия явилась исходным пунктом дальнейшего размежевания литературных сил, в 1910 году еще собранных вокруг символизма. Вяч. Иванов сформулировал в докладе основные постулаты младосимволистов, полемика несомненно способствовала оттачиванию его аргументации, выработке более точных определений и отмежеванию от близких, но в то же время чуждых эстетических принципов: кларизма М. Кузмина, парнасизма Гумилева, а также от «аморфной» поэзии Городецкого.

Для Гумилева и Городецкого выступление в «Обществе ревнителей» было пробным шагом в их борьбе с символизмом за новую поэтическую школу. В акмеистических манифестах 1913 года они выступают не столько против символизма вообще, сколько против эстетических принципов, обоснованных Вяч. Ивановым.

Другой участник полемики, В. М. Жирмунский, по-своему переосмыслил принцип триады, предложив в статье «Преодолевшие символизм» периодизацию новейшего искусства, состоящую из трех этапов.

Но, пожалуй, лишь один из участников дискуссии впоследствии кардинальным образом изменил свои взгляды на обсуждавшиеся проблемы. Это — С. К. Маковский. Принципиально отвергавший в 1910-е годы «идеологии» Вяч. Иванова и неявно поддерживавший в числе прочих молодых поэтов Гумилева, в позднейших воспоминаниях он заметил, что «свою поэтику Гумилев не определял положительными признаками», она формировалась лишь как «его несогласие с... Вячеславом Ивановым».⁶⁹

Данному в докладе эстетическому обоснованию символизма Вяч. Иванов остался верен и впоследствии. В 1936 году, готовя статью для итальянского энциклопедического словаря Трекани, он утверждал: «В России с новой поэтической вестью Блока и Белого и с первыми философскими исследованиями о началах символизма наступает пора строжайшего осознания его духовных задач, явившаяся расцветом школы, уже заявившей о себе плеядою значительных писателей».⁷⁰

⁶² Там же.

⁶³ Там же.

⁶⁴ ИРЛИ. Ф. 607. Ед. хр. 136. Л. 31; в статье добавлено: «...может смешать дионисийство с внутренним анархизмом и аморфизмом» (Аполлон. 1910. № 8. С. 19).

⁶⁵ См.: Из переписки А. Блока и Вяч. Иванова. С. 172.

⁶⁶ ИРЛИ. Ф. 607. Ед. хр. 136. Л. 28—29 (ср.: Аполлон. 1910. № 8. С. 17).

⁶⁷ ИРЛИ. Ф. 607. Ед. хр. 136 — текст отсутствует. Был вставлен, по всей видимости, в корректуре. Вставка сохранилась среди черновиков (ИРЛИ. Ф. 607. Ед. хр. 203. Л. 32).

⁶⁸ Аполлон. 1910. № 8. С. 17.

⁶⁹ Маковский С. На Парнасе «Серебряного века». С. 217.

⁷⁰ Цит. по: Иванов Вяч. Собр. соч. Т. 2. С. 667.